DOI: 10.17117/na.2017.01.01.301

Поступила (Received): 18.01.2017

<http://ucom.ru/doc/na.2017.01.01.301.pdf>**Бабенко И.А.****Амбивалентность как художественный код гротеска****Babenko I.A.****The ambivalence as an artistic code of the grotesque**

В статье рассмотрена амбивалентность как один из ведущих художественных кодов гротеска, в основе которого лежит соединение разнородных, разноуровневых начал. Показано, что в процессе развития гротескового мышления происходит усложнение амбивалентности за счет «размывания» положительного семантического полюса

Ключевые слова: гротеск, амбивалентность, художественное мышление

The article deals with the ambivalence as one of the leading artistic codes of the grotesque, which is based on the connection of heterogeneous, multi-level principles. It is shown that in the process of thinking takes place grotesque ambivalence complexity due to the "blurring" of the positive semantic pole

Key words: grotesque, ambivalence, artistic thinking

Бабенко Ирина Андреевна

Кандидат филологических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет
г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1

Babenko Irina Andreevna

Candidate of Philology Sciences, Associate Professor
North-Caucasian federal university
Stavropol, Pushkina st., 1

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-34-00034 «Истоки жанрового синтеза в поэтике отечественной драматургии XX-XXI вв.»

Гротеск как художественное явление давно и активно осмысливается в зарубежной и отечественной науке. Анализ научной литературы, посвященной изучению данной категории, показал, что вопросы о его природе, сущности, структуре и функциях, несмотря на высокую степень их разработанности, остаются открытыми, что обуславливает необходимость их дальнейшего исследования. Учитывая различные точки зрения, мы применяем синтетическое определение природы гротеска – как особой формы художественного мышления, реализуемой в произведении системой поэтических приемов (при этом осознавая, что нередко гротеск и сам выступает в качестве приема).

К числу важнейших кодов поэтики гротеска, по нашему мнению, относится усложненная (в отличие от классической, раблезианской) амбивалентность. В литературоведении термин «амбивалентность» впервые использовал в работе о Франсуа Рабле М.М. Бахтин, соединив в нем разнородные определения инвариантного признака гротеска: «совмещение несовместимого», «сочетание несочетаемого», «контрастность», «двуначалие» и др. До этого термин активно использовался в психологии и характеризовал особенности восприятия. Бахтин

применительно к образам народной смеховой культуры вкладывал в это понятие следующий смысл: «Гротескный образ характеризует явление в состоянии его изменения, незавершенной еще метаморфозы, в стадии смерти и рождения, роста и становления. Отношение к времени, к становлению – необходимая черта гротескного образа. Другая, связанная с этим необходимая черта его – амбивалентность: в нем в той или иной форме даны (или намечены) оба полюса изменения – и старое и новое, и умирающее и рождающееся, и начало и конец метаморфозы» [1, с. 35]. По Бахтину, именно амбивалентность составляет основу гротескного образа и является тем знаком, с помощью которого можно отделить гротескное от негротескного. Амбивалентность лежит в природе гротеска: «<...> сущность его именно в том, чтобы выразить противоречивую и двуликую полноту жизни, включающую в себя отрицание и уничтожение как необходимый момент, неотделимый от утверждения, рождения нового и лучшего» [1, с. 43]. Незавершенность, стремление к распаду, нарочитый разлад между элементами характерны также и для гротескной концепции тела в теории М.М. Бахтина. В поэтике народной смеховой культуры весь мир предстает как «мир двутелый, который умирая рождает» [1, с. 222]. Амбивалентность как инвариантный признак гротеска воспринимал А.Я. Гуревич, развивавший идеи Бахтина. Однако, по его мнению, сложноорганизованное гротескное единство разнородных начал было обусловлено иными причинами. Гуревич считал, что в концепции Бахтина, где гротеск определялся как исключительно комическое явление, находящее свое отражение в карнавальном действе, утрачено его важнейшее качество – амбивалентность. Ученый полагал, что карнавал – не просто явление смеховой культуры, отрицающее серьезность культуры официальной, а отличительная черта средневекового сознания в самых различных его проявлениях. «Противостояние народной культуры, трактуемой как смеховая, карнавальная по преимуществу, культуре официальной, церковной, которая мыслится как односторонне скучная, нельзя понимать упрощенно. Это не только противостояние» [2, с. 276]. Таким образом, Гуревич рассматривал гротеск как общекультурное явление, принадлежащее как сфере комического, так и серьезного, трагического, лирического. Согласно исследователю, гротескный характер мировидения средневекового человека вытекает уже из самой сути христианского учения.

В концепции Бахтина амбивалентность разрушается вместе с распадом народной смеховой культуры. Поэтому так бесплодны и бесцветны маски-типы реализма, лишенные положительного, возрождающего начала. С такой трактовкой спорит Ю.В. Манн в работе «Поэтика Гоголя» (1988). В целом соглашаясь с определением амбивалентности как «динамики противоположных начал», ученый, анализируя тексты Н.В. Гоголя, приходит к мысли о том, что амбивалентность не вырождается, но перерождается, гротеск в целом трансформируется, переходит на иной этап своего развития. Гротескное карнавальное мироощущение изменяется, происходит явное усложнение динамики: «двузначность, двусмысленность, обоюдвалентность остается, но ее логика становится прихотливее и непредсказуемее. «Веселое» сменяется не просто «грустным», но чем-то непонятным, инородным. Восходящая линия движения прерывается, давая выход сложному комплексу ощущений и чувств» [3, с. 18]. Таким

образом, классическая амбивалентность гротеска трансформируется в многомерность, усложняется и тем самым обогащается. На потерю положительного полюса в произведениях Нового времени указывает М.Т. Рюмина, полагая, что современное восприятие гротеска как чего-то страшного и ужасного обусловлено тем, что он в «своей изначальной двуплановости содержит тенденцию распада, смерти, которая только по видимости затемняется флером возможной, а может быть, и не возможной будущей жизни» [5, с. 219]. Снижение и отрицание, таким образом, остается инвариантным кодом гротеска, положительный же полюс может отсутствовать вовсе или только подразумеваться («рождение нового, возрождение, жизнь, расцвет и т.д. относительно и призрачны. То есть в «амбивалентности» преобладает отрицание над утверждением, минус над плюсом» [5, с. 220]).

Д.П. Николаев, который, напомним, был не во всем согласен с М.М. Бахтиным, не употреблял термин «амбивалентность». Однако при анализе реалистического гротеска Салтыкова-Щедрина ученый подробно раскрыл механизм создания амбивалентного начала: «гротескный образ – это такое *структурное сочетание различных элементов*, которое в действительности не встречается и <...> строится на основе *деталей, которые находятся в самых различных жизненных рядах, в самых разнообразных, в реальности не пересекающихся плоскостях действительности*» [4, с. 200-201] (курсив мой – И.Б.).

Таким образом, полагая амбивалентность, динамику противоположных начал основополагающим признаком гротеска, маркером, выделяющим его среди других эстетических явлений, при анализе драматургических произведений мы будем принимать во внимание не только особенности восприятия образа, в чем состоит суть концепции Бахтина, но и средства формирования противоречивого художественного эффекта – соединение разнородных элементов в пределах одного образа.

Список используемых источников:

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. 4 (2).
2. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
3. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. М.: Художественная литература, 1988.
4. Николаев Д.П. Сатира Щедрина и реалистический гротеск. М.: Художественная литература, 1977.
5. Рюмина М.Т. Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. М.: Либроком, 2010. 320 с.